

Амелия Борн

Здравствуй,
папочка Мороз

16+

Амелия Борн

Здравствуй, папочка Мороз!

«Автор»

2021

Борн А.

Здравствуй, папочка Мороз! / А. Борн — «Автор», 2021

Я проиграл спор и пришел на утренник в детсаду в костюме Деда Мороза. А наутро фотографии с сидящим на моих коленях мальчонкой облетели весь интернет. Те, кто меня знает, уверены - это мой ребенок. Но у меня теперь есть два вопроса. Почему я ничего не знал о сыне? И кто, черт бы все побрал, его мать?

© Борн А., 2021

© Автор, 2021

Амелия Борн

Здравствуй, папочка Мороз!

Белая, почему-то кудрявая, искусственная борода вызывала такую чесотку, что я был готов взвыть уже через пару минут. Впившись пальцами в длинный посох и мечтая приложить им по лбу довольного посмеивающегося Мирона (моего хорошего до этого дня друга), я позволил его невесте Саше натереть мне нос и щеки красным гримом.

Чтоб я еще раз поспорил? Да никогда!

– Твою же мать! Я в этом дерьме и получаса не прохожу! – выругался сквозь крепко стиснутые зубы, на что тут же отреагировала воспиталка детского сада:

– Павел Владимирович! Вообще-то вы находитесь там, где вас могут услышать дети!

Она не понравилась мне с самого начала. Такая чопорная, престарелая. Со смешным пучком на башке и тонкими, ярко-розовыми губами. Фу.

Кстати, почему я вообще оказался в конце декабря в детском саду в наряде, от которого весь мой офис лежал бы в лежку, если бы конечно, меня в нем увидел? Все просто. Тот самый Мирон во время последнего нашего спора (а они у нас случались часто) поставил условие – побыть Дедом Морозом на утреннике в детском саду. Лучше бы он выставил на кон свой Порш против моей Ламбы последней модели.

– Варвара Никаноровна! Я репетирую свою речь, – беззлобно отоврался я и, повернувшись к Мирону и Саше, взглянул на них так, чтобы стало ясно: как только этот сраный утренник завершится, прикончу их обоих. Одного – за спор, вторую – за тонну грима на моей морде.

– Да ты просто красавчик, Мельников! – хохотнула Сашка, дернув меня за бороду.

Потом поправила шапку, весившую как минимум несколько пудов. Хлопнула меня по плечу и, чуть подтолкнув в сторону того места, где меня ожидали дети, напутствовала:

– Иди уже. Развлекись. И постарайся не материться.

Легко сказать! Борода так и продолжала колотиться. В огромных варежках руки вспотели. В шубе – вспотело все остальное. Про валенки я даже не думал. Когда сниму – там будет совсем не Шанель номер пять.

– Вот пришел к вам Дед Мороз,

С праздником поздравить!

Он подарки вам принес,

Бородатый парень!

Мда уж. Это четверостишие я пробасил, стоило мне только переступить порог игровой комнаты, где собралась одна из групп детсада. На меня тут же воззрились все – белочки, зайчики, снежинки и прочие кикиморы.

– Дед Мороз! – пискнула какая-то девица в костюме Мальвины.

Вскочила, протопала ко мне, после чего обняла за ноги. Эй, мы так не договаривались!

По правде говоря, детей я не особо любил. Они представлялись мне какими-то... существами с другой планеты. Вечно орут, гадят, требуют пожрать чего повкуснее и еще – мультков. В общем – совсем не мой контингент.

– Мороз, Мороз, – заверил я ее, потянув от себя за голубой бант на макушке. – Иди уже к своим, сейчас все будет.

Мда, исконно русский Дед из меня выходил, прямо скажем, никакой. А чего стоило организовать внедрение в этот детский сад? Сколько бабла я отстегнул на благо местного спортзала, чтобы Варвара Никаноровна закрыла глаза на тот факт, что развлекать ее драгоценных деток будет совсем не профессиональный актер, а какой-то там босс не менее какой-то там фирмы!

И вот теперь я стою перед полчищем костюмированных малявок, которые ждут от меня чуда. Ну мать же перемать!

– А сейчас мы с вами будем отгадывать загадки! – пробасил я с места в карьер, когда тишина, установившаяся между мною и детьми стала совсем уж дурацкой.

– Ужеее? – протянул какой-то парень, который, судя по его виду, расстроился. – А стишки? Мы приготовили... стишки!

Стишки – это хорошо. Это прямо очень хорошо! Потому что как незаметно достать из кармана дедовой шубы айфон, чтобы вычитать на нем загадки, я себе представлял не особо.

– Точно! Сначала ведь стишки. Молодец, мальчик. Дед ведь старый совсем. С памятью плохо, – сказал это и оглядел детей.

На лицах некоторых проступило недоумение. Остальные смотрели на меня с жалостью. Докатился.

– Как тебя зовут?

– Митя!

– Отлично, Митя! Дед Мороз жаждет услышать твои стишки!

Произнеся эту фразу, я уселся на хлипкий табурет, так что мои колени едва не заткнули уши, и поманил к себе Митю. На кого-то он был похож. Даже странно.

Похлопал по колену, на которое парень и забрался не без моей помощи. А потом вдруг обнял меня за шею, и тут я охренел.

– А ты можешь все-все исполнить? – шепнул с недоверием Митя, так, что его услышал только я.

На нас смотрели все кругом – дети, мои друзья (ну, или не очень друзья), строгая воспиталка. Но вдруг почему-то самым важным оказался взгляд самого Мити, который так и продолжал обнимать меня за шею, впиваясь пальчиками в ворот шубы.

– Могу. Могу исполнить все-все, – заверил его в ответ.

Это было не так уж и далеко от правды. Даже если парень сейчас запросит себе яхту, подобная покупка не станет проблемой. Но я вдруг почувствовал – он совсем о другом.

– Я хотел бы пожелать,
Чтоб папа к нам вернулся.
Мне уже ведь целых пять!
А я о нем мечтаю.

Мда уж. Поэтический дар Митю явно миновал. Или кто там наваял ему эти стихи? И почему вдруг у меня в носу заципало? Наверняка, всему виной эта сраная борода.

– Молодец, Митя! Вот тебе конфетка!

Кстати, да. А где мешок с конфетами, или что там раздают Морозы на подобных мероприятиях?

Я ссадил с колен парня, беспомощно взглянул на Мирона. Тот все понял без слов, подбежав и вручив мне мешок с подарками.

Выудив из него какой-то шоколадный набор и новомодную машинку, я всучил все это Мите.

– С Новым Годом, парень! С Новым счастьем! – пробасил от всей души.

Почему-то очень хотелось, чтобы он уже отошел от меня и не смотрел этими своими глазами, в которых плескалось что-то необъяснимое.

– А желание?

Черт побери! Разве он не понимал, что я не могу вернуть ему папу, куда бы он там ни слинял? Видимо, не понимал.

– Такие желания требуют... большой подготовки. Не каждый Дед Мороз может вытащить тебе папу из своего мешка, хэ-хэ-хээээ!

Кажется, это уже было из словарного запаса Санта-Клауса, хотя, какая, к чертям, разница?

Стараясь не смотреть на лицо Мити, полное разочарования, и отгоняя от себя мысли о том, как несправедлив мир, я повернулся к другим детям и предложил:

– Кто еще хочет рассказать Дедушке стишок? У меня здесь очень, ну просто очень много подарков!

Ага, секретарша с ног сбилась, когда покупала все это добро. Куча кукол, да не каких-нибудь, а самых классных. Машины такие, машинки сякие. Динозавры, драконы, принцессы. Не передрались бы мальвины-буратины за подобные подарки.

– Я!

– Я! Я хочу рассказать стишок!

– И я!!!

Прекрасно! От желающих выдать что-то несуразное и обрести подарок отбоя нет. И почему вдруг я нашел глазами несчастного Митю, оставившего машинку в сторону? Почему посмотрел в его глаза и меня прошибло чем-то непонятным?

Отвернувшись от парня, который так хотел себе отца (да мало ли их таких?), я повернулся к толпе малявок и морально настроился отработать проспоренное на все сто.

– Дед Мороз (она произносила это вроде Дед Малооооооооооо!), а куда ты денешься весной?

Очень хороший вопрос, девочка! Прямо в точку. Весной я как раз планировал путешествие в Танзанию. С глаз долой, под тропические ливни – вон. Погулять по рисовым полям, искупаться в океане... погреть косточки и всякое такое...

Вот только спрашивала меня малявка совсем не об этом.

Мы как раз сидели за столом и у нас в разгаре имелось чаепитие с поеданием пирога. Я пирог не поедал – аппетита почему-то не было, да и крошки так и норовили застрять в чертовой бороде.

– Весной? – с нарочитым удивлением переспросил я.

– Да! Весной. Когда все будет растаивать!

Хм, а девица-то дотошная. Даром, что отхватила при раздаче подарков совсем не дешевую куклу!

– А весной я растаю, да! – с воодушевлением поддержал я подобные изыскания по физике седьмого (или какого там?) класса.

– Растаеешь? Совсем-совсем? – ужаснулась девчулька и даже приготовилась плакать.

– Да! Но ненадолго!

Я склонился к ее крохотному розовому ушку и прошептал:

– Когда Дед Мороз тает и превращается в лужицу, он приходит к вам летними дождливыми днями. Ты прыгаешь в лужах летом?

Блин горелый! Докатился дважды.

– Прыгаю, – с неверием девица закивала головой. – И это... в лужах... ты?

– Точно!

И чего я в театральный-то не поступил? Вешал бы лапшу на уши детям на вполне законных основаниях, да еще бы и бабки за это получал.

– Ну конечно, я! Я – в каждой летней луже, которую ты увидишь! – заверил я малявку, и прежде чем она успела докопаться до еще какого-нибудь агрегатного состояния Деда Мороза, объявил: – ХО-РО-ВОД!

– Мельников, ты мой кумир, – взоржала Сашка, сдирая с меня бороду едва ли не с мясом. Протянула какой-то лосьон на ватке и проговорила: – Три лицо. Смоет.

В этом я сомневался. Казалось, весь образ сраного Мороза уже никогда меня не покинет. Но я покорно принялся тереть ваткой щеки и нос. При этом то и дело косился на дверь подсобки. Почему-то очень страшно было увидеть на ее пороге разочарованные мордашки детей, которые бы вдруг поняли, что Деда Мороза не существует.

Стащив с себя всю амуницию, я бросил ту в угол. Принялся натягивать свою обычную одежду.

Вроде как... можно было просто уйти отсюда и забыть о проигранном споре. Отстегнуть сумму на спортзал для этих малолетних кровопийц и все. Но что-то не давало покоя.

– Паш, ты чего? – раздался удивленный голос Мирона.

Я тут же ошетинился. А ничего, блин.

– Нормально все, – отмахнулся от приятеля. – Домой собираюсь. И подальше от этой всей хрени.

Одевшись, я зашагал в сторону выхода из детсада. Все ведь было сделано как нужно. Игрушки закуплены и розданы. У детей – случился самый настоящий праздник. Пусть и не с самым настоящим Морозом. Так какого хрена кажется, что я упустил нечто очень и очень важное?

Сев в машину, я завел движок и некоторое время просидел, глядя перед собой в лобовое стекло. Было не слишком поздно – часов пять вечера от силы. Но темень вокруг – хоть глаз выколи. И никакого праздничного настроения.

Перед мысленным взором тут же возник Митя. Его взгляд, полный разочарования и тоски. И что мне с ним нужно было делать?

А ничего. Забыть да и хрен с ним.

Только почему-то не получалось.

Интересно, что там у парня за трагедия? Посмотреть бы на его маму. Кто она? Откуда? Красивая, или не очень?

Отчего представляется какая-нибудь девушка с нежным именем и тоской в глазах?

Арррр! Нужно перестать просматривать новости в Гугле.

Заведя мотор, я подождал несколько минут, после чего выехал на соседний проспект и взял курс в сторону своего дома.

Кто забрал Митю из детсада, не узнал. Хотя очень хотелось. Как выяснилось позже – очень даже зря.

– Павел, как ты можешь это объяснить?!

Истеричный голос Лаймы, ворвался в мое сознание, когда я просматривал третий за день отчет. Подняв глаза на невесту (напомните мне больше не собираться жениться для того, чтобы произошло слияние корпораций), я холодно улыбнулся и осведомился:

– Если буду знать, что мне нужно объяснить, то попробую это сделать.

– Будешь знать? – возопила Лайма и ткнула мне под нос свой айфон размером с экран моего ноутбука. – Только не говори, что ты не в курсе, и вообще тебя подставили!

Я скосил глаза и, взяв невестушку за запястье, отодвинул ее руку подальше. Рассмотрел фотографию.

На ней был я. Ну, да. Определенно я, не далее, как вчера. В костюме Мороза и с Митей на руках.

– О чем я не знал, Лайма? – поинтересовался устало, не представляя, к чему она клонит.

Невестушка отошла и принялась расхаживать по кабинету. Ругались мы с ней редко. В основном, она была неотъемлемым аксессуаром на всяких выходах в свет. Ну и, заодно,

гарантом того, что когда-нибудь фирма ее отца сольется с моей фирмой в весьма выгодном и денежном экстазе.

– О своем сыне! – переходя на истерику, выдала Лайма.

Чегооооооо, блин?

– Ты не в себе, – поставил я диагноз. – О каком, мать его, сыне речь?

– О твоём! Вот он, сидит у тебя на руках! – И она вновь подлетела ко мне и едва ли не сунула айфон в морду моего лица.

Я запрокинул голову и заржал. Что вообще в мозгах у этой женщины? И, кстати, откуда у нее фото со вчерашнего утренника?

– Не смешно, Павел! Поверь, мне уж точно не до веселья.

Поднявшись из-за стола, я кивнул Лайме на диван и отдал распоряжение:

– Присядь.

Подошел к бару. Пить так рано было не в моих правилах, но, видимо, придется. Наполнив два бокала едва ли не до краев, протянул один невесте, второй тут же опорожнил сам.

– Что за история с моим сыном? Это первый вопрос. И откуда у тебя фотки с утренника в детском саду? Это – вопрос второй.

Я ожидал какой угодно реакции. Что Лайма начнет менжеваться. Заламывать руки и говорить, что снимки она достала через кого-нибудь там такого. И что сына никакого нет, это просто была проверка (три раза ха-ха). Но услышал следующее:

– Эти, как ты изволил выразиться, «фотки» – заполонили собой весь интернет! – Она отпила глоток «успокоительного» и, отставив бокал, выдала: – Ты что, притворяешься? Или действительно не видишь, что этот ребенок – твоя копия?

Кто? Митя? Моя копия?

Дал знак Лайме, мол, давай сюда свой айфон. Она протянула мне тот, и я принялся рассматривать фото. Во мне вряд ли можно было заподозрить Павла Мельникова (спасибо Саше), босса крутой фирмы и довольно известную личность. Митя и вовсе был самым обычным ребенком. Так откуда, черт бы все побрал, у Лаймы возникли подобные подозрения?

– Что вообще происходит? – растерянно спросил я в пустоту.

– Происходит то... что ты скрывал от меня ребенка, – не особо искренне всхлипнула невеста.

– Я не о том. Откуда фотки в инете?

– Это все, что тебя волнует?!

Она вновь подскочила, словно в Лайме имелась туго сжатая пружина.

– Нет, – заверил я ее в ответ. – Но кто их туда отправил, знать хотелось бы.

– А твой сын?

– Да какой сын? У меня нет никаких детей!

– Но он похож на тебя как две капли! Прочти комменты! Все в один голос утверждают, что этот ребенок – твой!

Лайма, дометавшись до изнеможения, упала на диван и, закрыв лицо руками, зарыдала. Я же сидел, как самый распоследний остолоп, и не понимал, какого хрена вообще творится.

Фотографировал Мирон – это я помню. Максимум, кому он мог переслать фотографии – Сашке. Зачем они их выкинули в сеть? Хотя, хрен с ним, выложили и ладно. Но почему Лайма была уверена в моем отцовстве?

– Да, мама? – проговорил мрачно и осторожно, ответив на звонок, который раздался в тот момент, когда я уже мысленно приготовился успокаивать и увещевать невесту.

– Пашенька... мне тут позвонили... я что – стала бабушкой? – раздалось растерянное на том конце телефонного разговора.

– Не стала, – отрезал я.

Лайма отняла одну руку от лица и посмотрела на меня с наигранным презрением.

– Я говорю своей матери, что она не стала бабушкой! – процедил в сторону невесты. Какая же бляха-муха хрень! Почему я оправдываюсь сейчас за то, чего ну никак не могло быть?

– Да, мама. Да. Лайма сейчас рядом. Что она говорит? Она говорит, что мне пора заканчивать разговор, потому что у нас с нею очень много дел.

С какой-то болезненной мстительностью нажав на «отбой», я с раздражением откинул телефон на стол и, строго взглянув на невесту, сказал:

– Будь добра, поясни, что за мысли о том, что этот мальчик похож на меня. А если сказать нечего – ты знаешь, где дверь.

Эта фраза мгновенно вернула Лайму в состояние разума. Она села на диване и растерянно захлопала нарощенными ресницами.

– Какая дверь, Павлик? Никаких дверей!

Ненавижу, когда меня так называют. Как Морозова, блин. А я ведь не Морозов, хоть и успел побывать в костюме Деда.

– Вот именно, – терпеливо кивнул я. – Никаких дверей. Говори, что думаешь.

Думала Лайма не слишком усердно, но кто я такой, чтобы противостоять естественным невестиным процессам?

– Он очень на тебя похож. Как две капли! – шмыгнула носом Лайма.

После чего взяла себя в руки, подошла ко мне и, встав позади, начала разминать мои плечи.

– Ты это вычитала в комментариях?

Невеста ответила не сразу. Ага, сомневается, значит.

– И в комментариях тоже. А потом сравнила. Да, так и есть. Вы идентичны.

Я хмыкнул. Картина вырисовывалась прелюбопытная. Саша или Мирон выбросили в сеть мою с Митей фотку, и теперь всем казалось, что на ней отец и сын. Причем первый скрывал от общественности второго.

– Достаточно, – процедил, когда мне надоели поползновения Лаймы поиграть в опытную массажистку. – Поезжай уже отсюда и дай мне нормально поработать.

– А фото?

– А что с ним не так?

– Но...

Она предприняла попытку подобрать слова, но я ее оборвал:

– Никаких «но», Лайма. Поезжай в спа, в бутики, на курорты Краснодарского края. В общем, хоть куда-нибудь. С остальным я разберусь сам.

Устроившись за рабочим столом и махнув рукой, дескать, не отвлекайте меня, я дождался, когда невестушка, выждав некоторую паузу, заберет свой телефон и выйдет к чертям, после чего растер лицо ладонями и тяжело вздохнул.

Да уж. Похоже, придется разбираться в том, что упало на меня, как тунгусский метеорит. И что совсем не вписывалось в мой рабочий график.

Пробка тянулась медленно и рвано, как использованная жвачка, заставляя нетерпеливо постукивать по рулю пусть и старого, но верного «Крайслера». Утренник, даром, что назначенный на вечер, уже явно подошел к концу, и Митя наверняка меня заждался.

От воспоминания о том, как он собирался в садик этим утром, сжалось сердце. Сын весь вечер накануне повторял себе под нос, как мантру, какой-то стишок собственного сочинения, который собирался рассказать деду Морозу и который всячески от меня скрывал. Но я вовсе не была ни глухой, ни слепой. Он хотел попросить у доброго дедушки папу, как делал это и все предыдущие годы. Напрасно.

Душу снова прожиг дикий стыд. Ну почему все люди как люди, а я даже не могу сказать своему ребенку, кто его отец?

Нет, ну это просто невыносимо! Я нетерпеливо ударила на педаль газа, когда пробка впереди наконец пришла в движение. Еще немного, до поворота – и я буду на месте. Желание увидеть сына и тревога от того, что он может быть разочарован этой встречей с дедушкой Морозом, которой ждал весь год, разрывали душу.

Пять минут спустя мне удалось припарковаться у детского сада. Торопливо закрыв машину и накинув пальто, я собиралась было уже бежать ко входу, когда мое внимание вдруг привлекла фигура, показавшаяся смутно знакомой. Аж дрожь прошибла все тело!

Резко развернувшись в ту сторону, откуда появился мужчина, я попыталась его разглядеть, но было поздно – он уже сел в машину. Подходить ближе только для того, чтобы убедиться, что мне это просто померещилось, было попросту глупо. Да и в самом-то деле! Что моему бывшему боссу, Павлу Мельникову, по которому я безрезультатно сохла не один год, было делать здесь? Ответ пришел на ум сам собой и заставил невольно поморщиться – он тоже мог забирать из садика своего ребенка. Да нет, ерунда все это! Если Мельников и обзавелся потомством, то пристроил своих детей явно не в этот, пусть и очень хороший, но недостаточно престижный для него садик. Да и вообще! Меня давно не касалось, с кем и как размножался этот человек. Да что уж там... меня это вообще никогда не касалось! Такие, как я, могли только тайком вздыхать по подобному мужчине. Что я преданно и верно и делала несколько лет. Дура несчастная! Но это, слава Богу, осталось далеко в прошлом.

Разозлившись на саму себя, я решительно отмахнулась от всех этих глупых мыслей и неуместных воспоминаний и быстро зашагала ко входу. Меня там ждал сын, и это все, что имело значение в настоящее время. А не какие-то там глупые фантазии столетней давности!

Митя ждал меня в коридоре. По его виду я сразу поняла – дело плохо.

– Привет, герой, – я с любовью потрепала сына по светлой макушке. Шапочки Робин Гуда, в костюме которого он облачился в честь утренника, на нем уже не было. Как, впрочем, не было и прежнего воодушевления, с которым сын собирался в садик этим утром.

В руках Митя держал какую-то навороченную машинку, но как-то неохотно, безо всякого интереса к игрушке. Он не обнял меня в ответ, как делал это обычно, когда я забирала его из садика, и это пугало больше, чем весь его хмурый и несчастный вид в целом.

– Ну, поехали домой, – сказала я с притворным воодушевлением и, кивнув на прощание воспитательнице, повела сына одеваться, а затем – к машине.

Когда мы устроились в салоне, мягко сказала:

– Какая красивая машинка. Это тебе Дед Мороз подарил?

И тут произошло неожиданное. Лицо сына исказилось гримасой боли, а в следующее мгновение машинка с остервенением была отброшена на заднее сиденье. Я вздрогнула.

– Ненавижу его! – вдруг выдал мой обычно спокойный и ласковый сын. – Я больше не верю в деда Мороза!

Ну через последнее, положим, проходят рано или поздно все дети. Но к тому, что Митя заявит мне подобное в пять лет, я совсем не была готова.

– Почему? – спросила осторожно, медленно трогаясь с места.

– Он никогда не выполняет мое самое заветное желание! Хотя каждый раз говорит, что может все-все на свете!

Конечно, я понимала, что это было за желание. Но его не то, что мифический дед Мороз, его даже я сама, имевшая к желаемому подарку куда как больше отношения, чем этот несчастный дед с бородой, не могла исполнить! И это то, чего невозможно было себе простить.

– Милый, дедушка Мороз не может выполнять сложные желания без подготовки. Ему нужно время. И разве он сделал тебе плохой подарок? Ты ведь просто обожаешь машинки! И дедушка, как видишь, об этом знает. Поэтому ты зря в него не веришь.

– Я прошу об этом уже не первый год, – сдавленно пробормотал Митя, отворачиваясь к окну.

Подавив вздох, я предприняла последнюю попытку оправдать деда Мороза в глазах сына:

– Ты же знаешь, дедушка придет в новогоднюю ночь снова. И мы с тобой вместе загадаем желание под бой курантов, чтобы он точно-точно его услышал. Идет?

Загадаем-то мы загадаем. А дальше мне что с этим делать? Может, не стоило в свое время врать, что папа Мити уехал, а лучше было сказать, что он умер? Жестоко, конечно, но разве лучше, что из года в год сын надеялся, что тот вернется к нам? Тот, кого... я даже не знала, черт бы все побрал!

– Я ему больше не верю, – упрямо ответил сын, и возразить на это мне больше было нечего.

– Вот дерьмо, – выдала позже, этим же вечером, моя подруга Лина, когда мы своим дружеским кругом – я, она и ее брат Леня – ужинали у меня дома, предварительно уложив Митю спать.

– Я не знаю, что с этим делать, – призналась со вздохом. – Может, сказать ему как-нибудь потом, что нам пришло письмо, где сообщили, что его папа пал смертью храбрых где-нибудь на Северном полюсе, спасая пингвинов от надвигающегося айсберга?

– Вот ты жестокая! – тут же живо отреагировала подруга. – Живого человека хоронишь!

– Я придаю ему героический ореол! – возразила в ответ. – Может, на самом деле он какой-нибудь пьяница или и того хуже?

– Ну, этого мы, похоже, уже никогда не узнаем, – проговорила подруга, пригубивая красное сухое. – А вот слушала бы ты меня тогда, шесть лет назад...

– И была бы вынуждена бороться с чувством стыда до конца своей жизни!

– А что, если это и правда был он?

– Лина, я тебя умоляю! Такие мужчины, как Мельников, не ходят на свидания вслепую! Перед ним и так любая готова ноги раздвинуть по первому требованию! Зачем ему такие сложности?

– Может, скучно стало и захотелось новых ощущений? – возразила подруга. – Эх, Снежка-Снежка...

Что крылось под этим ее «эх», я даже выяснять не стала. И так ясно, что ничего хорошего.

Вместо ответа я кинула взгляд на Леню – все это время он слушал наш диалог молча. И, судя по всему, это обсуждение ему было не слишком приятно. И я понимала, почему.

– Давайте сменим тему, – предложила деликатно, но Лину уже было не остановить.

– Подожди-подожди! – пробормотала она, сосредоточенно хмуря брови. – У меня есть план!

– Уже страшно, – заявила в свою очередь я и на всякий подлила себе в бокал. Если уж Лина фонтанировала гениальными идеями – слушать ее лучше было не на кристально трезвую голову.

– А если нам нанять какого-нибудь мужика? – затараторила подруга. – Пусть он запишет видео, где представится отцом Мити и расскажет про спасение этих твоих пингвинов!

– И дальше что? – опасливо уточнила я. – Предлагаешь нанять его как папу на выходные? Хочу тебе напомнить – у меня не настолько огромная зарплата...

– Да ну нет! – фыркнула в ответ Лина. – Ограничимся видео.

– Ты с ума сошла, – отмахнулась я устало. – Это только все усложнит. Лучше его все-таки похоронить – раз и навсегда.

За неторопливой беседой и дружескими перепалками незаметно прошел остаток вечера. Было уже за полночь, когда брат и сестра Половцевы засобирались домой.

Леня подошел ко мне, пока Лина поправляла макияж в ванной комнате. Посмотрел прямо в глаза и сказал негромко:

– Снежана, я предлагал тебе простое решение проблемы много лет назад и снова предлагаю сейчас. Не отказывайся сразу, подумай.

Он смотрел на меня твердо, без унижающей его мольбы, но в глубине карих глаз затаилась надежда. Мне снова стало неловко перед ним, хотя я, казалось, никогда не позволяла ему думать, что у нас могло бы что-то получиться.

И, возможно, зря. Я всегда знала, что Леня испытывает ко мне некоторые... чувства, но ничего не могла поделать с тем, что не испытываю подобного в ответ. И соглашаться на то, чтобы он признал чужого ребенка... было по меньшей мере низко. Хотя однажды, в самый трудный момент, я и задумывалась об этом. Но все же считала правильным не ломать человеку жизнь отношениями, в которых ничего не могла ему дать.

Потому что черт знает сколько лет с ума сходила по недостижимому идеалу. Который, вероятно, и идеалом-то был только в моем воображении. А в жизни этот самый Павел Мельников наверняка разбрасывал по квартире грязные дырявые носки и забывал поднять стульчак!

И все же... за все эти годы мне так и не удалось встретить кого-то, кто затмил бы собой эти нелепые односторонние чувства к бывшему боссу. И переломить себя, согласившись на синицу в руках – не получилось тоже...

– Извини, – только и смогла выдохнуть я.

Вовремя появившаяся из ванной комнаты Лина несколько спасла ситуацию. Леня вышел в коридор, а подруга на прощание мне шепнула:

– А ты бы все-таки подумала о моих словах, Снежка. Митя ведь не даром такой светленький, точь-в-точь, как твой бывший... босс.

Сказав это, она упорхнула, а я осталась стоять перед дверью. В голове снова вспыхнуло воспоминание о мужчине на парковке, так похожем на бывшего... босса. А вдруг это действительно был он?..

Отойдя к окну, я сосредоточила взгляд на хаотичном движении никогда не спящего города там, внизу. Представить, что отцом моего ребенка мог быть Павел Мельников – все равно что поверить в чудо. И что бы я ни говорила сыну про заветные желания, сама ни во что подобное давно не верила. И даже думать обо всем этом дальше не стоило.

Впрочем, события следующих дней заставили меня несколько пересмотреть свои убеждения.

– Мирон, тебе бы за такие фокусы открутить какую-нибудь важную часть тела, – рыкнул я, стоило только другу показаться на пороге моего дома.

– Знаешь, а я ведь знал, что ты скажешь именно так. Поэтому вот, – Мирон всучил мне старого доброго Джека Дэниэлса и пакет с закуской. Сам же принялся переобуваться, будто только его тут и ждали. – Сашку дома оставил. Хотя, она очень хотела приехать со мной, – добавил он совершенно обыденным тоном.

Ну-ну, представляю, с какой целью оставил. Так и вижу, как Саша с горящим взглядом стала бы требовать от меня рассказать, что же случилось, и почему Митя настолько на меня похож.

Об этом, кстати говоря, я думал, не покладая головы. Представить, что переспал с его матерью и забыл об этом, а она, такая вся гордая, молчала несколько лет о рождении нашего общего сына – было нереально. В это мне не верилось от слова «совсем».

С другой стороны, имелся некий эпизод моей жизни, в котором я успел поучаствовать чисто из любопытства, и о котором вспомнил лишь сейчас. Хотя, надо сказать, пару лет после того, как он произошел, я и пытался раскопать, кто же в тот момент был со мной. Но по ряду причин – не раскопал.

Пройдя на кухню, я поставил бутылку на стол и, порывшись в пакете с закусью, извлек из него то, чего и ожидал. Сырная тарелка (один хрен ведает, почему Мирон упорно приносил именно ее к Джеку), пара лимонов. Ну и конечно, минералка. Понятно. Ночевать будем вместе.

– Знал, что я буду грозиться открутить тебе важное? – хмыкнул я, разливая янтарную красоту в бокалы. Подумав, бросил в каждый по паре кубиков льда и по кружочку лимона. – У меня есть на то основания, ты в курсе?

– Не то слово.

Мирон развалился на диван, к которому я и направился, держа в руках поднос с закусью и напитками. Ну прям официантка на выданье.

– И зачем тогда это сделал? – поинтересовался я, не так чтобы особо надеясь на какой-нибудь внятный ответ. – Да просто так.

Друг подернул плечами и отпил добрую половину из бокала.

– Просто ты такой ржачный был.

Ржачный я был, ага. Их же с Сашкой стараниями. И все бы ничего, если бы не эти сраные последствия.

– Сам знаешь, чем это все закончилось, – мрачно констатировал я, залпом выпивая Джека.

– Знаю. Но клянусь – и в мыслях не было, чтобы к этому привело!

Конечно, я ему верил. Предположить, что Мирон увидел сходство между мной и Митей и решил меня так подставить... Нет, такого быть уж точно не могло.

С другой стороны, был ли я рад, что так произошло? Что почувствую, если окажется, что этот парень взаправду мой сын?

Да ну, бред. Такого просто не может быть.

– Что планируешь с этим всем делать? – вскинул бровь Мирон, когда мы помолчали несколько минут.

– Пока не знаю, но к Никаноровне бы отправился.

Друг фыркнул и покачал головой.

– За адресом Мити и его мамы?

Эта самая «мамаша» почему-то резанула слух. Я поморщился, и Мирон тут же поднял обе руки вверх, показывая, что он ничего такого ввиду не имел.

– А если это действительно твой сын? А мама Мити уже счастлива замужем? – задал он резонный вопрос.

– Ну, нет. Он же сам сказал, что ему нужен папа, – парировал я не менее резонно.

– Папа для Мити и муж для его матери – могут быть совершенно разными персонажами.

Я взглянул на бутылку Джека. То ли туда стали что-то подсыпать, то ли в Мироне проснулся философский настрой.

Но в целом, он был прав. И если это действительно было так, я, черт бы все побрал, просто обязан разобраться во всей этой ерунде. Выяснить, не сын ли мне Митя, для начала. Ну и просто взглянуть на его мать. Может, все это чудовищная ошибка, да и только?

– Уговорил, чертяка, – кивнул я Мирону и сам себе. – Теперь знаю точно – Никаноровне от меня не отделаться, пока у меня не будет нужного адреса.

– Помолимся за нее, – поднял тост в ответ друг. Впрочем, следом добавил то, о чем я и сам невольно задумывался: – Ну... или за тебя.

Варвару, свет, Воспиталовну пришлось брать буквально измором. Сначала она выгнала меня сразу же, стоило мне только появиться на пороге детсада с прекрасным предложением отремонтировать еще что-нибудь взамен на нужную мне информацию.

На следующий день я появился в этой цитадели под занавес рабочего дня, искренне надеясь дожидаться на улице Митю и встретиться с тем, кто его заберет. Мити, почему-то, среди

выходящих детей не оказалось. Потом меня пронзило осознанием – совсем скоро Новый год. Детей распустят по домам (или на какие-нибудь там каникулы) и хрен я докопаюсь до правды раньше середины января. К тому же, в планах у меня имелась поездка «погреть кости» в теплых краях. Следовательно, и во время новогоднего отпуска мне ничего не светило. А понять, что же такое произошло, все же хотелось.

– Варвара Никаноровна! Если вы сейчас же не скажете мне, вышел ли Митя в сад, и не дадите контакты его родителей, я за себя не ручаюсь, – процедил на следующий день, изо всех сил пытаясь рассмотреть, что происходит в игровой комнате, дверь в которую воспиталка заперла буквально перед моим носом.

– Не ручайтесь где-нибудь в другом месте! – отрезала Никаноровна в ответ. – И покиньте помещение детского сада! Вы не родитель и уже не Дед Мороз. Так что не понуждайте меня вызывать полицию!

Нет, не зря она мне не понравилась с первого взгляда.

– Окей... окей! – притворно скапитулировал я.

Ну не разводить же дебош прямо среди детей, где, возможно, и находился Митя? Совершенно нет. Напугаю еще детей так, что начнут заикаться и гадить в штанишки.

Тяжело вздохнув, я развернулся и в какой уже раз пошел к выходу.

Значит, будем искать возможности взять крепость штурмом в другом месте.

Шесть лет назад

– Снежка, ты просто обязана пойти на этот корпоратив! – увещевала Лина, нарезая вокруг меня бесконечные круги, будто хотела загипнотизировать.

– Сядь, бога ради, от твоего мельтешения уже башка кружится, – взмолилась в ответ и следом отрезала со вздохом:

– Никуда я не пойду, Лина. Что мне там делать?

– А вдруг там будет твой Мельников? Наверняка приедет поддержать корпоративный дух!

Это ее «твой Мельников» звучало настолько будоражаще, что поправлять подругу я не стала. Хоть и понимала – никогда этот мужчина моим не будет. Ни на словах, ни на деле.

– И наверняка не один, – возразила я, выдавая то, что меня беспокоило. И почти жалобно призналась:

– Не хочу смотреть на то, как вокруг него будет вертеться очередная шикарная модель.

– Вот! О чем я и говорю! – оживилась подруга. – Ты сама должна стать той, кто вертится рядом с ним!

– И как же прикажешь это сделать? – фыркнула я, не скрывая скептицизма.

– Сядь ровно, – скомандовала Лина. – Мы сделаем из тебя девочку с обложки!

Я посмотрела на подругу с сомнением, но та уже всю развернула вокруг меня деятельность. На стол полетела косметичка, ловкие пальцы нырнули в мои волосы, начиная вертеть их в разные стороны.

– Лина, я не уверена, что хочу на него вешаться, – сделала я последнюю попытку вразумить подругу. – Это как-то... унизительно.

– А то, что за все время он на тебя и не посмотрел ни разу – не унизительно? – парировала Лина в ответ. – Да не бойся ты! Мы тебя так примарафетим, что Мельников сам на тебя накинется!

Похоже, возражать было просто бесполезно. Подавив вздох, я отдалась на милость рук Лины и ее сомнительного, как вскоре выяснилось, чувства стиля.

– Так, а теперь одежда! – объявила подруга, пресекая мои попытки повернуться к зеркалу.

Из шкафа полетели на кровать все имеющиеся у меня, весьма немногочисленные наряды, и Лина, неодобрительно поцокав языком, выудила из своей безразмерной сумки какой-то лоскуток ткани. Им внезапно оказалась юбка.

– Так и знала, что пригодится! – торжествующе объявила она. – Надевай.

– Но она же совсем короткая... – пробормотала я, с ужасом глядя на кусочек атласной ткани, который едва был способен прикрыть мою задницу.

– Это корпоратив, детка! – объявила громогласно подруга. – Мы обязаны показать все твои достоинства! Давай уже, натягивай.

Я послушно надела на себя короткую узкую юбку и кинула на Лину выжидающий взгляд. Вместо ответа мне в руку была сунута кофточка с огромным вырезом и туфли на высоченном каблуке.

Послушно облачившись во все это, я наконец повернулась к зеркалу и... замерла от ужаса.

Девушка, которая там отражалась, была кем угодно, но только не мной. Яркий макияж изменил лицо до неузнаваемости, мои от природы тонкие волосы приобрели какой-то несусветный объем.

Мне тут же захотелось все это с себя смыть, но остановила мысль – наверняка женщины рядом с Мельниковым будут раскрашены ничуть не хуже. Да, это была совсем не я, но, может, именно это и требовалось, чтобы обратить на себя внимание такого мужчины, как босс?

Извечное женское желание понравиться мужчине, по которому сохла, толкнуло меня на то, чтобы выйти в таком виде из дома. И очень, очень зря.

Такси подъехало прямо к нашему бизнес-центру. Я неловко выбралась из салона на своих огромных каблуках и, кое-как пройдя к лестнице, споткнулась на первой же ступеньке. Хотелось снять дурацкую обувь и, развернувшись, уехать обратно домой, но мысль о том, что где-то там, на верхних этажах высотки, может быть Мельников, заставила идти вперед. Конечно, я наверняка не решусь и близко к нему подойти, если только сам он не падет жертвой моей красоты, каким-то чудом заметив меня в толпе, но даже мысль о том, что смогу просто посмотреть на него издали, согревала.

Я уже вошла в лифт, когда раздался чей-то окрик сзади:

– Подождите!

И следом в кабину запрыгнул еще один человек. От него пахло морозной свежестью и каким-то невероятно притягательным парфюмом. Я обернулась и тут же замерла от смеси ужаса и восторга.

Передо мной стоял сам Мельников! Так близко, что я ощущала его дыхание. Так близко, что можно было рассмотреть его до мельчайшей черточки... Его губы шевелились и я не могла взгляда от них отвести, не сразу сообразив, что он что-то мне говорит. Господи! Он что-то мне говорит!

– Простите? – выдохнула с трудом, собрав остатки воли в кулак.

– На какой вам этаж? – хмуро повторил он, и я кое-как сумела ответить:

– Двадцать пятый.

Его взгляд обжег, как всполох огня. Глаза Мельникова спустились к моим ногам, прощупывая по всему телу вверх, остановившись на глубоком декольте. Божечки! Неужели Лина была права и этот наряд заставит босса меня вождеть?

Я ощущала, как начинает пылать кожа от этого пристального взгляда и неловко переступила с ноги на ногу. Господи, и что мне делать, если Мельников начнет приставать ко мне прямо тут?

От представления подобной картины стало нестерпимо жарко. Но вот светлые глаза босса поднялись к моему лицу и меня словно ледяной водой окатило. Он смотрел на меня как угодно, но только не вождеюще. Скорее, в его взгляде замерло... презрение.

Покачав головой, он с явным неодобрением сказал:

– Если уж вызвали проститутку на корпоратив, неужели не могли найти кого-то попрличнее?

Я почувствовала, как снова вспыхиваю, но на этот раз – от стыда. Порывисто отвернувшись, встретила взглядом со своим отражением в зеркале и мне тут же открылась вся неприглядная правда.

Боевой раскрас моего лица в ярком освещении лифта выглядел дико пошло и безвкусно. Тушь отпечаталась на верхнем веке, помада начала расплзаться. И как только я подумать-то вообще могла, что Мельников может меня возжелать?!

Сглотнув ком, я уже твердо решила, что из лифта не выйду. Дождусь, когда босс уйдет и тут же спущусь вниз и вызову такси.

Но не тут-то было.

– Пошли... красotka, – объявил босс, когда лифт остановился на нужном этаже.

Он крепко сжал мой локоть и выволок наружу, хотя я не особо и сопротивлялась. Мы вошли в ресторан, арендованный для корпоратива, и, когда все взгляды обратились на нас, босс громкогласно поинтересовался:

– Ну и кто это заказал?

Сотрудники ошарашенно смотрели на меня, явно не узнавая, пока кто-то вдруг не выкрикнул:

– Так это ж Вьюгина!

Со всех сторон раздались смешки, перешедшие в громкогласный, оглушающий хохот. Мельников повернулся ко мне с застывшим в глазах вопросом, но я с неизвестно откуда взявшейся силой вырвала свою руку и бросилась прочь.

На неудобных каблуках мгновенно подвернулась нога. Наклонившись, чтобы скинуть проклятые туфли, я услышала характерный треск ткани. Юбка пошла по швам. Смех позади меня стал еще громче, еще уничижительнее.

Но мне уже было плевать. Подхватив туфли, я бросилась к лифтам и нырнула в спасительное пространство кабинки.

А когда двери захлопнулись, скрывая меня ото всех, сползла на пол и расплакалась.

На эту работу я больше не вернулась.

Настоящее время

– Мапочка!

Рука сына потянула меня за рукав и я вынырнула из удушливых объятий воспоминаний. Переведя взгляд на сына, улыбнулась и переспросила:

– Что ты сказал, милый?

– Мапочка, дай поезд.

Митя, стоявший на стуле перед высокой елью, указал мне на елочную игрушку в коробке и я послушно протянула ему мастерски выполненную фигурку поезда из настоящего стекла. Маленький шедевр, доставшийся мне, как и еще несколько таких же старинных елочных игрушек, от бабушки. А ей – от ее бабушки...

Сегодняшний день мы решили провести с сыном вдвоем. Он совсем не хотел идти в садик после того утренника и я, понимая его чувства, не стала настаивать. Взяв отгул, посвятила этот день украшению дома к наступающим праздникам. Митя обожал наряжать елку, и с

самого утра мы поехали на елочный базар, чтобы выбрать самую красивую. А теперь – вместе развешивали игрушки.

Точнее, вешал их сын, а я... а я слишком много думала о том, о чем не следовало. И почему мысли о бывшем боссе снова полезли в голову? Я почти не вспоминала о нем за прошедшие годы. Почти...

Глядя на светловолосую макушку сына, вспомнила фразу Лины – «все-таки подумай о моих словах». Господи, да о чем тут было думать? После того корпоратива я бы к боссу и на пушечный выстрел не подошла. И уж давно не стала бы интересоваться у него, не развлекается ли он свиданиями вслепую.

Я задумчиво повертела в руках фигурку деда Мороза, которая должна была следующей украсить елку. Митя верил, что этот добрый старикан может подарить ему папу. Я вгляделась в нарисованные черты и вдруг показалось, что игрушечный дед Мороз мне лукаво улыбнулся. Мотнув головой, протянула фигурку сыну и вздрогнула, когда неожиданно раздался звонок в дверь.

– Наверно, тетя Лина пришла. Я открою, а ты аккуратнее тут. Ничего не разбей и сам не уподи, – сказала Мите, направляясь к двери.

– На, звони.

Мирон протянул мне свой телефон, на экране которого уже имелся введенный номер.

– Опишешь все, что знаешь. Славка обещал попытаться выяснить, что там за такой Митя и где он живет.

Я с сомнением посмотрел на друга, но телефон взял. Потом отложил и чуть крутанулся в кресле. В последнее время я очень много размышлял о том, правильно ли поступаю.

У меня была Лайма и, в целом, довольно беззаботная жизнь. В которой все было расплано и учтено. Так что «Митя – сын Мельникова» никак в эту картину не вписывался. И вот зачем, скажите мне, стоило что-то менять?

Да хотя бы для того, чтобы разобраться и дать сыну того отца, в котором он так нуждался, – тут же подсказал внутренний голос, проснувшийся, в принципе, только сейчас.

– Чего мнешься? Звони давай! – поторопил меня Мирон.

– В том и дело, что если это сделаю, пути назад не будет, – сознался я другу.

Мирон озадаченно почесал затылок. Да-да, я знал, что меня мотает из стороны в сторону, как бабу в период пмс.

– Ну, тогда не звони, – хмыкнул он и попытался забрать свой телефон.

Я ловко перехватил его, поднялся из-за стола и подошел к окну. За ним падали хлопья снега. Такие огромные, пышные... а где-то там, в одной из квартир города сидел и ждал новогоднего чуда маленький мальчик Митя.

Вот черт, а я становлюсь сентиментальным. Не к добру.

– Ладно, была не была.

Набрав номер того самого Славки, я выдал ему скороговоркой все, что знал, а через пару минут получил заверения, что он постарается помочь.

– Милый, посмотри... мне кажется, мебель в таком стиле идеально подойдет для гостиной нашего будущего дома.

Эти слова Лаймы донеслись до меня словно бы издалека. Невестушка обрушилась на мою голову, как камнепад в Кара-Кече прямо в разгар рабочего дня, но рука не поднялась выгнать ее прямо с порога.

– Что? – рассеянно уточнил, глядя на очередные изыски в журнале, которые демонстрировала мне Лайма.

По мне, куда удобнее было выискать все в интернете, но невеста исправно покупала именно бумажные носители всего этого добра, именуемого «идеальный дизайнерский вариант для вашего дома».

– Вот, посмотри. Прованс. Немного простовато, но простота сейчас в моде.

Мазнув ничего не видящим взглядом по обозначенному выше провансу, я кивнул. Сосредоточиться на каких-то там гостиных и модных «мебелях», когда мысли мои принадлежали совсем не этому, не получалось.

– О! А детские? Я предлагаю сразу же сделать обе. Одну в нежно-розовых тонах, вторую – в голубых.

На этом моменте я воззрился на Лайму с удивлением. Не то чтобы мы не обсуждали потенциальное рождение детей, но... я считал, что этот вопрос совершенно не требует спешки. И, как мне казалось, невестушка была полностью со мной согласна.

– Ты же хочешь детей? – с притворной осторожностью отреагировала Лайма на мой взгляд.

– Вроде бы мы решили отложить рождение наследников на более поздний срок.

Невеста тут же поджала губы и сжала переносицу пальцами. Мда уж, понятно, зачем здесь организована вся эта показательная выставка интерьеров.

– Я подумала... над этим вопросом. Мне уже двадцать три. А если не получится сразу? Посоветовалась со своим врачом. Он полностью меня поддержал! Идеальный срок для того, чтобы начать готовиться к материнству!

Прекрасно. А меня вообще спросили, или я займу почетную роль быка-осеменителя?

– Вернемся к этому позже, – отрезал я. – Сейчас мне нужно работать. Прованс сам себя не купит, – не без намека я глянул на дверь, и Лайма, собрав журналы, подошла ко мне. Быстро прикоснувшись к моей щеке прохладными губами, после чего направилась к выходу из кабинета.

– Я закажу на вечер еду из ресторана, – уведомила меня Лайма, задержавшись на пороге. – Мы давно не проводили время только вдвоем.

О, понятно. Кое-кто намекал, что нам бы не помешало сегодня ночью побывать в горизонтальной плоскости. Вместе.

И почему меня это совершенно не возбуждало?

Кивнув Лайме, я сделал вид, что увлечен тем, что происходило на экране ноутбука, и когда она вышла, вздохнул с облегчением.

– Ну, вот! Я же говорил! Славка точно поможет, – не без самодовольства сказал Мирон, когда я узнал адрес Мити.

– Да уж, помог.

Я взаправду не понимал, что мне делать. Сидел, пялился на бумажку, на которой записал, где же проживает этот неожиданно свалившийся на меня ребенок, и не находил ответа, стоит ли мне ехать к нему прямо сейчас.

– Ты чего, Паш? Что-то вспомнил?

Переведя взгляд на Мирона и не сразу поняв суть его вопроса, я покачал головой.

– Неа. Этот адрес мне ничего не говорит.

– Ясно.

Посидели в тишине. О чем думал друг – хрен его знает. Я же – словно был посреди двух огней. Желание поехать по выясненным координатам – зашкаливало. С одной стороны.

С другой – я чувствовал, что это перевернет всю мою жизнь кверху тормашками.

– Ладно. Съезжу, – решил, поднимаясь на ноги.

– Хочешь, я с тобой? – предложил дружеское плечо Мирон.

Немного подумав, я покачал головой, отказываясь от столь лестного предложения. Друг и так был втянут в это все, а мне не хотелось ни лишнего участия, ни лишних ушей, пока не разберусь со всем сам.

– Спасибо, я справлюсь, – заверил в ответ Мирона и вышел из кабинета в неизвестность.

Как Славику удалось добыть адрес, где проживал Митя – меня, в целом, не интересовало. Хотя, и закралась мыслишка, что если паренек окажется моим сыном, мне бы очень не хотелось, чтобы вот так просто можно было выяснить, где он живет.

Мда уж, кажется, во мне начали просыпаться отцовские чувства. Причем на самом ровном месте.

И вот я стоял напротив обычной на вид двери, а меня опять накрыло волной сомнений. Что я здесь делаю? Зачем? Почему позволил внезапно свалившимся обстоятельствам толкнуть меня на необдуманные поступки?

Ладно, черт с ними, с сомнениями. Что я и взаправду как девица на выданье?

Подняв руку, нажал на кнопку звонка и принялся ждать. Осмотрелся. Общий коридор такой себе. Обычный, каких множество в любом городе России-матушки. Хорошо хоть толпа бабулек из соседних квартир не повыпадала от любопытства.

А когда мне открыли, все мысли о бабульках и идентичных домах исчезли, потому что я натурально охренел и при виде хозяйки спросил только одно, что первым пришло в голову:

– Ты?!

– Не я! – выпалила я первое, что пришло в голову и попыталась закрыть дверь.

Ну а что еще было делать? Жизнь меня совсем не готовила к тому, что бывший босс откуда-то возьмется на пороге моей квартиры, будто материализовавшись из моих же собственных мыслей!

– Не так быстро.

Он выставил вперед руку, мешая мне захлопнуть дверь перед его носом. Я невольно скользнула взглядом по крепкой, мускулистой руке, покрытой светлыми волосками, уходящими под рукав пиджака. Задержалась взглядом на массивных, явно дорогих часах и, тайком сделав вдох, вернулась глазами к лицу стоящего напротив человека. Может, у меня всего лишь галлюцинации и никакой это не Мельников? Или вообще все происходящее – лишь плод моего воображения? Очередная тайная фантазия, которых у меня было великое множество, и все – об одном и том же мужчине.

Но нет, обмануть себя не удалось. На меня был устремлен взгляд тех льдисто-голубых глаз, что оказалось невозможно забыть.

– Вы кого-то ищете? – уточнила я наконец, призвав все силы для того, чтобы говорить спокойно.

– Ты же Снежана Вьюгина, верно?

Он больше не опирался рукой на створку двери, просто стоял рядом, заложив руки в карманы брюк, в обманчиво расслабленной позе. Весь его уверенный вид словно бы говорил – я знаю, что ты не рискнешь меня выпроводить, потому что понимаешь, что я этого не позволю.

– Полагаю, вы пришли не для того, чтобы сообщить то, что я и так знаю, то есть мое имя, – хмыкнула в ответ. – Чего вы хотите?

– Ты работала у меня.

Он не спрашивал – утверждал. И это немало меня изумило. Неужели ему настолько запомнился тот эпизод в лифте? Глупо думать, что Мельников раньше проституток не видел. И что утруждал себя тем, чтобы вообще запоминать их в лицо.

– Вы пришли, чтобы позвать меня обратно? – притворно-восторженно ахнула я, приложив руку к груди. Взгляд бывшего босса тут же сполз ниже, следуя за моим жестом, и меня

вдруг снова обдало жаром, как тогда, чертовы шесть лет назад в лифте. Проклятье! Разве возможно вообще испытывать что-то подобное к едва знакомому человеку? Тем более тому, кого не видел годами!

– В общем, я очень тронута, но видите ли, за шесть лет мне удалось найти другую работу, – затараторила я дальше, не дожидаясь ответа, – так что благодарю, но...

– Нет, я не за этим, – прервал он мой словесный по... ток. – Можно войти?

Я инстинктивно оглянулась назад, в глубину квартиры, где оставила сына. Почему-то очень не хотелось, чтобы Мельников его видел.

– Вообще-то... нет.

Ну надо же! Мне удалось сказать «нет» самому Мельникову! Хоть и спустя шесть лет. На его удивленный взгляд пришлось пояснить:

– Мне не очень удобно разговаривать. И сейчас, и здесь, и... вообще.

– Это важно, – возразил он безапелляционно и следом нагло протиснулся мимо меня в дом. При этом его грудь коснулась моей и на мгновение я забыла как дышать. Словно опять стала той глупой романтической дурочкой, что готова была душу продать за один лишь его взгляд.

– Вообще-то это незаконное вторжение, – уведомила я бывшего босса, сложив на груди руки. – И я имею полное право вызвать полицию.

– Но не сделаешь этого, – ухмыльнулся он в ответ.

Черт! И как только у него это получается настолько сексуально?

– И почему же? – нашла я в себе силы хладнокровно поинтересоваться, хотя все тело едва ли не лихорадка била.

– Потому что тебе интересно, зачем я пришел.

– Вообще-то мне интересно только, чтобы ты ушел, – парировала я, тоже переходя на «ты». Ну а что? Он мне все-таки уже не босс! – Даже подскажу, так и быть – дверь сзади. Не заблудись.

– Очень негостеприимно с твоей стороны, но так уж и быть, я закрою на это глаза, – Мельников показательно сомкнул веки, потом распахнул их снова и требовательно уставился на меня:

– Не понимаю, почему ты так настойчиво хочешь меня выпроводить, даже не давая шанса высказаться.

– А для этого нужна причина?

– Конечно! И теперь мне очень интересно, в чем она, поэтому я, так и быть, остаюсь. Не благодари.

И с этими словами он обнажил зубы в одной из той улыбок, от которых у меня раньше задрожали бы колени. Хотя что уж там! Они дрожали и сейчас. Да и не только колени.

– Ладно, – сдалась я, посчитав, что будет быстрее выслушать его, чем препираться дальше. – Говори и уходи.

– И что, даже чаю не предложишь? – ужаснулся наигранно Мельников.

– Мапочка, кто там?

Светловолосая голова сына выглянула из-за двери гостиной и я испытала мгновенный шок. Сейчас, когда Митя и Мельников находились в одном помещении, поверить, что это были отец и сын, было очень легко. Господи, а что, если Лина все же была права?...

– Это... – я запнулась на мгновение, но быстро нашлась:

– Это насчет работы, солнышко. Посиди пока у себя, хорошо?

Сын кивнул, но я заметила, как он смотрит на моего бывшего босса. И что самое ужасное – словно зеркаля Митю, Мельников тоже неотрывно смотрел на него. И это мне совершенно не нравилось!

– Проходи на кухню, – скомандовала я торопливо бывшему боссу.

Он неохотно отвел глаза от моего ребенка и направился в указанном направлении. Когда мы остались вдвоем за закрытой дверью, насмешливо поинтересовался:

– А я к тебе насчет какой работы? Приличной или той, которой ты смущаешь ничего неподозревающих боссов в лифте?

– А что, спустя шесть лет решил воспользоваться моими услугами? – фыркнула в ответ. – Не тни время, будь добр, говори, что хотел и... – дальнейшее направление движения я показала ему пальцами. Именно так, во множественном числе.

– Ну, собственно, причину моего визита мы только что видели, – заявил он, снова запуская руки в карманы брюк.

– Мой сын? – переспросила я, надеясь, что не выдала охватившего меня ужаса.

– Да. Дело в том, что... – он вздохнул и, выпростав одну руку, растерянно провел ею по волосам и продолжил:

– Слушай, я знаю, что это немного странно...

– Да одно твое наличие на моей кухне уже странно и вовсе не «немного»!

– Мне продолжить или еще поупражняемся в словоблудии?

– Продолжай.

– Спасибо. Так вот, недавно я на спор изображал из себя Деда Мороза на утреннике в детском саду...

– Так это был ты! – не выдержала я.

Он приподнял брови:

– Вижу, слава обо мне уже дошла до тебя.

– Так, и что дальше?

– Расскажу, если перестанешь перебивать.

– Извини.

– В общем, фото с того утренника разошлись по всей Сети и в моем окружении все буквально с ума посходили, посчитав, что это мой где-то нажитый сын. Даже моя невеста...

Он продолжал говорить что-то еще, но я уже не слышала. Невеста. Господи, мне не было никакого дела до этого человека, так почему же новость о том, что у него есть невеста, сейчас буквально оглушила?

–... и я хотел узнать... ты, случайно, никогда не была на свидании вслепую?

Последняя фраза ворвалась в мое сознание, заставив похолодеть. Неужели?..

– Нет! – отреагировала я чересчур поспешно. – Если это все, что ты хотел узнать – где выход ты уже в курсе.

Мельников шагнул ко мне, заставляя отступить к окну, одной лишь силой взгляда удерживая меня в своей власти и резко отрезал, как будто вынес приговор:

– Не верю. Но, так и быть, дам тебе пару дней на то, чтобы повспоминать, было ли в твоей жизни это чудное приключение в темной комнате.

И с этими словами вышел.

Когда в коридоре хлопнула дверь, давая понять, что бывший босс действительно ушел, я без сил опустилась на стул. Мне не нужно было усиленно вспоминать о том, о чем он говорил. Я и так помнила это все, как вчера.

Шесть лет назад

– Снежка, прости, мне очень жаль, – бормотала Лина, обнимая меня и прижимая к себе, как ребенка.

Я уже не плакала, оставив всю сырость там, в офисном лифте, но на душе было невыразимо погано. Я уже знала, что ни за что не вернусь на эту работу. Что настало время забыть о своих идиотских фантазиях о красавчике-боссе и идти дальше.

– Ты не виновата, – ответила подруге устало.

– Виновата! Знаешь, когда смотришь на этих красоток на профессиональных фотках, воображаешь, что можешь сделать также красиво сама. Стать на них хоть немножко похожими. Но, как оказалось – мне это точно не под силу.

Мы немного помолчали, потом я негромко проговорила:

– Лина...

– Ммм?

– Это странно, но я ни о чем не жалею. Понимаешь... за все это время, что я там работала, он впервые вообще меня заметил. Да, не в том свете, в каком хотелось бы, но... Он посмотрел на меня! Он меня увидел...

К горлу снова поступили слезы, но я упрямо продолжила:

– Знаешь, на одно короткое мгновение мне даже показалось, что он... ну... меня хочет. Глупое, безумное заблуждение, которое быстро разбилось о реальность, но... это лучшее, что было у меня за всю жизнь. Понимаешь? Эта секунда самообмана!

Лина всхлипнула и я инстинктивно похлопала ее по ладони.

– Не переживай. Все вышло совсем не так, но... мне будет что вспомнить, подруга.

Я невесело улыбнулась и поднялась на ноги, чтобы уйти к себе, но Лина вдруг вцепилась в мою руку:

– Ты ведь хочешь его забыть, да?

– Не совсем, – покачала головой в ответ. – Я хочу... не любить его.

– Ну так... клин клином вышибают! – боевито заявила подруга и я невольно улыбнулась, узнавая привычную мне Лину, вечно фонтанирующую самыми разнообразными идеями.

– Ну и что ты предлагаешь? – поинтересовалась скорее для поддержания разговора, но подруга, похоже, была настроена серьезно:

– Ты пойдешь на свидание вслепую!

– Зачем?

– Ну чтобы с кем-то познакомиться, конечно!

– Лина, я сейчас совсем не хочу...

– А надо! Ты хочешь перестать страдать по этому Мельникову или как?

– Хочу, но...

– Значит, не обсуждается! Сейчас мы тебя соберем на свидание!

– Только давай в этот раз без твоего фирменного макияжа, – нашла я в себе силы пошутить.

– Тебя все равно никто не увидит! – беззаботно отмахнулась подруга, а я нахмурилась:

– В каком это смысле?

– Скоро узнаешь, – загадочно проговорила Лина и, открыв свою сумочку, достала оттуда и протянула мне квадратную коробочку:

– Вот, возьми. Вдруг пригодится!

Я посмотрела на презервативы и категорично покачала головой:

– Вот уж вряд ли.

– Все равно возьми! Лучше быть во всеоружии!

Как ни странно, Лина оказалась права. Вот только я совсем не вспомнила о презервативах в тот вечер.

В комнате, куда меня завели, было темно, хоть глаз выколи. Я неловко споткнулась обо что-то на входе, и тут же обнаружила, что это что-то весьма живое. Еще шаг – и я внезапно оказалась прижата к крепкой мужской груди. На меня вдруг повеяло смутно знакомым ароматом и низкий мужской голос промурлыкал на ухо:

– Осторожнее надо.

– Я не... не думала, что тут так темно и что кто-то есть.

– А с кем же ты шла на свидание? – уточнил незнакомец насмешливо. – С дверью?

– Честно говоря, я вообще не хотела приходить, – вывалила я на него в ответ правду-матку. – Подруга заставила.

– Я тоже не хотел, – проговорил он серьезно. – Но раз уж мы оба тут... может, присядем, пообщаемся? Я уже нащупал стол и стулья. И не только их, – издал он дико сексуальный смешок.

– Ладно, – согласилась я, позволив мужчине взять меня за руку и провести к стулу.

Я слушала, как он устраивается напротив, и никак не могла избавиться от чувства, что он мне кого-то напоминает. Кого-то весьма конкретного.

– Ну... и как тебя зовут?

– А это важно?

– Вообще-то нет.

Я не могла видеть, но буквально почувствовала, как он передернул плечами.

– Итак... и для чего же тогда ты здесь, незнакомка?

Сердце стучало так громко, что едва ли не оглушало. Наверно, я схожу с ума. Наверно, эта неразделенная, нелепая страсть к Мельникову попросту неизлечима. Иначе почему мне сейчас так отчаянно хочется представлять, что это именно он сидит напротив меня в темной комнате?

– Я уже говорила – меня притащила подруга, – ответила и вздрогнула, когда его негромкий смех прошелся по мне, словно физическое прикосновение.

– Ну окей, а для чего она тебя притащила сюда?

– Чтобы отвлечь, – призналась со вздохом.

– Понятно. Ну что ж, тебе повезло – я знаю отличный способ отвлечься от любых проблем. Работает стопроцентно!

Я почувствовала его приближение. Первый порыв – встать и убежать – потонул в глупом, нерациональном желании остаться. Обмануться. Еще один раз. Всего лишь один, последний, раз...

Мужские руки подняли меня со стула и, подхватив за бедра, усадили на стол. Прохладные губы с привкусом мяты накрыли мои, послав по всему телу дрожь возбуждения. Душу прожигал стыд, но отрицать того, что хочу всего того, что происходит, я не могла. Слишком сильным искушением было представлять, что все это продельывает со мной Мельников. Мельников, который никогда не посмотрел бы на меня в реальности, как на женщину. Но сейчас, в абсолютной темноте, я могла отдаться своим фантазиям. Тому единственному, что было мне доступно.

Его руки шарили по телу жадно, низкий голос, отдаленно похожий на голос босса, что-то шептал... и этого оказалось достаточно, чтобы совершить самую большую глупость в моей жизни.

А через девять месяцев получить самое большое счастье.

Настоящее время

Это был он!

Вспоминая сейчас все это, сравнивая с тем, каким предстал сегодня передо мной Мельников, я со всей неотвратимостью понимала – там, в темной комнате, был со мной несомненно он.

В это было не только трудно поверить, но даже представить – почти невозможно. Если бы не явно недостаточные знания о боссе, не дефицит общения с ним, я, возможно, поняла бы все

еще тогда. Но одного эпизода в лифте, где он смотрел на меня, как на грязь, явно не хватало для того, чтобы даже просто подумать, что была в тот вечер именно с ним. Какая ирония!

Но это, впрочем, ничего не меняло. Я сама ничего не желала менять.

Потому что стоило быть с собой откровенной – если бы не его невеста, я могла бы поступить по-другому. Но зная о ней... к чему было так усложнять сразу несколько жизней?..

А главное – как я сама смогла бы жить, зная, что родила ему сына, но что он никогда не будет моим?..

Нет, лучше было забыть обо всем этом. Один бог ведал, чем все это может обернуться, если я ему признаюсь.

Это было лучшее из возможных решений. Если бы не одно «но» – мой сын, который больше всего на свете мечтал о папе.

– Что случилось? – ужаснулась я, когда двумя днями позже приехала забирать Митю из садика и обнаружила его с огромным синяком под глазом.

– Ничего, – мрачно пробубнил сын себе под нос, но тут в разговор вмешалась воспитательница:

– Подрался он, Снежана Валерьевна! На бедном Прокофьеве живого места нет!

Я присела перед сыном на колени и требовательно сжала хрупкие плечики:

– Почему ты подрался с Олегом?

– Потому что он меня дразнил! Узнал, что я просил у деда Мороза папу и смеялся надо мной! Говорил, что меня тебе наверно дед Мороз и принес, он мне и папа!

Я невольно пошатнулась. Митя и представить не мог, насколько все это было близко к правде!

Поднявшись на ноги, я твердо заявила:

– Я побеседую с этим мальчиком. Он не должен такое говорить.

– Не надо! – резко вскинул голову Митя и от горечи, зазвучавшей в его голосе, разрывалось сердце.

– Это ведь правда. Я даже не знаю, кто мой папа!

Всклипнув, сын побежал в сторону раздевалки, а я так и осталась потрясенно стоять на месте.

Решение, принятое мной два дня назад, было самым простым. Но было ли оно правильным?

Этот момент решил все. Вернувшись домой, я дрожащими пальцами набрала номер своего бывшего офиса и, когда мне наконец удалось пробиться к Мельникову, сказала:

– Надо поговорить. Тебя устроит завтра в пять, в «Шопене»?

– Мда уж, Мельников! Ну и истоооория! – протянула Сашка, подхватив со стола бокал с полусухим.

Плюхнулась на диван возле Мирона, на лице которого было такое выражение, как будто его только что ударили пыльным мешком, при этом отбили напрочь способности к пониманию.

– Так, давай по порядку, – помотал он головой и залпом осушил свою порцию. – Ты был на свидании вслепую. Почему я об этом ничего не знал?

– Петров, только не говори, что ревнуешь, – хихикнула Саша. – Мы с Павликом этого не переживем.

– Я уж точно! – заверил следом и Сашу, и Мирона. – Скажем так, я не придавал этому значения.

– А сейчас придал, я понял.

– Ну, хорошо, что ты хоть что-то понял.

– Погоди-погоди, ко мне только стала возвращаться возможность попытаться размышлять здраво. В отличие от вас! – Петров показал на нас с Сашей пальцем обличающе. – Ну-ка, плесни мне еще немного для закрепления.

Я усмехнулся, выполняя просьбу Мирона. В общем и целом, мне и самому требовалось разложить все по полочкам, чтобы весь тот кавардак, который творился в голове после встречи с Вьюгиной, хоть немного рассеялся.

А еще, по возможности, избавиться от того, что начал чувствовать, когда побывал у Снежаны. Имя-то какое... Снежана. Да еще и Вьюгина. Ну вот и откуда она, мать ее, на мою голову?

– Вариантов, где этот ребенок мог быть зачат, если все же это твой сын, больше нет? – уточнил Мирон.

Я на мгновение задумался, но тут же отрицательно помотал головой. Думал об этом и сам, пока ехал от Снежаны домой, и не находил ни единой вероятности, что успел где-то заделать сына, кроме того слепого свидания.

– Неа. К тому же, тогда я не использовал, ну...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.